

Мои воспоминанія объ архимандритѣ Феодорѣ (А. М. Бухаревѣ).

(Продолженіе)¹⁾.

(1857 г. Мая 8/12). „Часовъ въ 6“ (въ Николинъ день,— 9 Мая) „я пришелъ явиться къ о. Инспектору“; (послѣ отлучки изъ академіи для прогулки въ поле; такъ какъ, съ нѣкотораго времени выходы не только въ городъ, но и въ поле разрѣшались по записи въ книгѣ отлучекъ). „Онъ почтователь было меня чаемъ; но я отказался, сказавши, что уже пилъ; тогда онъ велѣлъ мнѣ разрѣзать пополамъ лежавшій передъ нимъ огромный апельсинъ (я никогда не видалъ еще апельсиновъ такой величины). Я сказалъ ему о кончинѣ Фл. В.; я имѣю обыкновеніе всегда сказывать ему о близкихъ почему нибудь ко мнѣ покойникамъ,—въ полной увѣренности, что онъ непременно помолится о нихъ. О. Инспекторъ сказалъ мнѣ, что къ о. Веніамину писалъ Ярославскій ректоръ молву, будто его (о. Феодора) переводятъ въ Новгородъ,—вопреки извѣстію, которое такъ положительно передавалъ Преосвящ. Агаангелъ, что въ Новгородъ назначенъ Пензенскій Евпсихій. Да и теперь... къ о. Веніамину письмо о. А. пришло во вторникъ, а въ среду о. Инспекторъ получилъ письмо отъ Преосвящ. Агаангела,—и тотъ ничего ему не пишетъ. Это извѣстіе нѣсколько опечалило меня; теперь у меня все вертѣлось на умѣ попросить, по крайней мѣрѣ, чтобы о. Феодоръ, оставя репетиціи, сказалъ намъ побольше вновь изъ догматики,—сколько поспѣетъ. Потомъ онъ перешелъ къ празднику,—къ образу,

¹⁾ См. Богословскій Вѣстникъ 1906 г. Июль-Августъ, стр. 569—609.

что въ Пермѣяхъ, къ церковно-статистическимъ описаніямъ епархій и въ частности—Нижегородской, для котораго такъ давно собраны матеріалы, но составленіе котораго поручено лицамъ и безъ того заваленнымъ работой и должностями. „Вотъ,—займитесь-ка вы этимъ дѣломъ“, сказалъ о. Теодоръ—„Да, В. В.“, отвѣчалъ я, „если бы Богъ привелъ мнѣ поступить на службу въ Нижній“—„Нѣтъ, батюшка,—не говорите такъ“, сказалъ о. Теодоръ; а лучше пусть случится такъ, какъ будетъ Богу угодно“; и къ этому разсказалъ исторію одного своего земляка и товарища по академіи, у котораго именно самъ Богъ устроилъ судьбу за то, что онъ безусловно предавалъ ее въ руки Божіи. Я еще вчера же рѣшился написать Вамъ эту исторію, потому что она, послуживъ отвѣтомъ на весь предшествовавшій разговоръ нашъ, служить,—съ тѣмъ вмѣстѣ,—прямымъ продолженіемъ того, что написано мною на первой страницѣ письма. Александръ Матвѣевичъ Бухаревъ (нынѣ о. Теодоръ) и Вас. Теод. Владиславлевъ еще въ семинаріи были особенно дружны между собой; вмѣстѣ ихъ послали и въ Московскую академію; это еще въ первый разъ вызвали въ Москву изъ Твери“. Здѣсь въ письмѣ идетъ та характеристика В. Т. Владиславлева и тотъ разсказъ о видѣніи ему Божіей Матери, которые приведены мною выше,—въ предисловіи къ настоящимъ воспоминаніямъ, напечатанномъ въ Іюньской книжкѣ Богословскаго Вѣстника за 1905 г. Пропускаю этотъ эпизодъ изъ жизни В. Т. Владиславлева и перехожу прямо къ разсказу о. Теодора относительно устроенія самимъ Богомъ жизни тѣхъ, кто ввѣряетъ судьбу свою Господу. „Когда мы окончили курсъ“, продолжалъ о. Теодоръ, „меня какъ монаха, оставили при академіи, а Василія Теодоровича назначили въ Вильну;—вонъ куда!—а онъ окончилъ курсъ вторымъ; первымъ кончилъ курсъ московскій,—N.N. Побѣдинскій,—а я третьимъ; но—такъ какъ бакалаврская вакансія была тогда одна, то оставили меня, а Побѣдинскаго на время послали въ Московскую семинарію. (Послѣ и онъ вскорѣ поступилъ въ академію). Не смотря на то,—ни тотъ ни другой не имѣли и тѣни какого нибудь неудовольствія на это. Еще и года не прожилъ Василій Теодоровичъ въ Вильнѣ, какъ у насъ въ Твери померъ Каѳедральный протоіерей. Преосвященный Григорій очень любилъ покойнаго и позволилъ

вдовѣ его пріискать жениха своей дочери на это мѣсто; а у ней были двѣ дочери—невѣсты; одна—полная невѣста: ее звали Софьей; а другой,—Марьѣ,—не доставало только нѣскольکو мѣсяцевъ до 16 лѣтъ; только Владыка требовалъ, чтобы она нашла непременно магистра. Случись же, что въ ту пору у насъ не было магистра такого; если магистры, такъ они были женатые; а холостые-то—всѣ кандидаты. Тогда они и вспомнили объ Василии Ѳеодоровичѣ, съ которымъ покойный протопопъ,—съ годъ тому назадъ,—познакомился гдѣ-то въ гостяхъ. Тогда Василій Ѳед. такъ понравился покойному, что тотъ, возвратившись домой, говорить своимъ домашнимъ: „вотъ такъ я нынѣ видѣлъ человѣка! вотъ такъ это человѣкъ! такихъ людей нынѣ искать!“ а еще они ему говорили: „ну, какого еще ты тамъ отыскалъ! такъ ужъ только и свѣта, что въ окошкѣ“ и т. п. Но теперь вспомнили и объ этомъ отзывѣ покойнаго и рѣшились сдѣлать Василю Ѳеодоровичу предложеніе; впрочемъ,—предварительно сказали Преосвященному Григорію, который самъ зналъ и любилъ Василю Ѳеодоровича и одобрилъ ихъ рѣшеніе. Василій Ѳеодоровичъ, получивъ такое предложеніе былъ въ крайнемъ затрудненіи, потому что невѣсты онъ не видалъ никогда, а между тѣмъ надобно было теперь же оставить училищную службу, значить,—рѣшить свою судьбу. Онъ обратился за совѣтомъ къ одному доброму человѣку, дружбу котораго онъ успѣлъ уже пріобрѣсть и въ Вильнѣ, благодаря своему характеру. Этотъ прежде всего посовѣтовалъ ему держать дѣло въ строгой тайнѣ, потому что въ Вильнѣ засмѣяли бы такой заочный выборъ невѣсты; но отъ себя совѣтовалъ—рѣшиться“. (Должно быть, и тогда Вильна была уже ближе къ Европѣ XIX вѣка, а Тверь жила еще по завѣтамъ Московскихъ царей и Тверскихъ великихъ князей) „Василій Ѳеодоровичъ послалъ свое согласіе и, въ тоже время, писалъ къ о. Ѳеодору, чтобы онъ помолился за него“. Не объ томъ“, писалъ онъ ему, „помолись, чтобы мнѣ Богъ далъ счастья въ невѣстѣ или въ будущей судьбѣ;—нѣтъ!—а объ томъ помолись,—какъ и самъ я молюсь теперь,—чтобы и въ этомъ исполнилась надо мной воля Божія“. Пока шло дѣло объ увольненіи его отъ училищной службы, онъ успѣлъ уже познакомиться съ своей невѣстой—письменно; они писали другъ къ другу. Но въ домъ покойнаго протоіерея

былъ вхожъ еще одинъ наставникъ. N. N. Сокольскій,—человѣкъ легкій и живой, только нѣсколько,—этакъ,—легкаго характера; (впрочемъ, и онъ теперь,—слышу,—живетъ хорошо). Ему очень приглянулась старшая дочь—Софья; да,—какъ видно, и она тоже не прочь бы отъ него; но,—бѣда въ томъ, что онъ былъ кандидатъ. Однако Сокольскій предложилъ матери, что нельзя ли ему взять Софью, а Василія Ѳеодоровича, просить, чтобы онъ взялъ Марью, которой оставался только одинъ мѣсяцъ до 16 лѣтъ, представляя при этомъ, что Софью онъ беретъ и безъ мѣста, а для другой дочери самое мѣсто, за ней зачисленное, послужитъ обезпеченіемъ; между тѣмъ какъ, если мѣсто предоставить Софѣ,—другая дочь остается на рукахъ матери съ сомнительной будущностью. Положено было хранить дѣло въ секретѣ до пріѣзда Василія Ѳеодоровича. Вас. Ѳед. пріѣхалъ и черезъ часъ по пріѣздѣ былъ уже въ домѣ невѣсты. Но,—видитъ мать,—видитъ меньшую дочь, а своей невѣсты не видитъ; замѣчаетъ притомъ, что они находятся въ какомъ-то затруднительномъ положеніи. Какъ человѣкъ прямой, онъ не вытерпѣлъ и—попросилъ показать наконецъ ему его невѣсту; „но“,—прибавилъ онъ, „я вижу,—вы чѣмъ-то затрудняетесь; быть можетъ, вы нашли во мнѣ не то, что ожидали встрѣтить, или—быть можетъ—другое какое нибудь случилось обстоятельство; скажите пожалуйста—откровенно; неужели вы думаете, что я не могу отказаться, если это будетъ нужно, и—только потому, что оставилъ уже училищную службу“. Тогда-то, наконецъ, матушка предложила ему приготовленную для него невѣсту, которая стояла передъ нимъ. Василій Ѳеодоровичъ могъ только засмѣяться и сказать, что вѣдь онъ свою прежнюю невѣсту знаетъ,—пожалуй,—еще менѣе, чѣмъ эту, а съ этой имѣлъ время познакомиться, пока ожидалъ старшей сестры. Итакъ,—какъ это обыкновенно бываетъ въ романахъ, гдѣ выводятся двѣ сестры,—и настоящая исторія окончилась двумя свадьбами. О. Ѳеодоръ прибавилъ, что Василію Ѳеодоровичу досталась лучшая изъ сестеръ и по наружности и по характеру; да и въ жизни-то,—больше любить своего мужа. Обѣ сестры пріѣзжали съ Василіемъ Ѳеодоровичемъ въ Троицкую Сергіеву Лавру и останавливались въ кельѣ о. Ѳеодора. Вотъ какую написалъ я Вамъ длинную исторію; не думаю, чтобы Вы,

остались этимъ довольны; но вѣдь, все равно, описываю же я Вамъ иногда разные разговоры въ тѣхъ домахъ, гдѣ я бываю,—не касающіеся ни Васъ, ни меня; а этотъ разсказъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе и служилъ отвѣтомъ на мои задушевныя мысли; конечно, такое дѣйствіе много зависѣло отъ того, что разсказывающій былъ о. Теодоръ. (Онъ былъ въ особенно добромъ расположеніи, когда разсказывалъ это, и мы такъ хохотали при нѣкоторыхъ мѣстахъ разсказа, какъ я давно не смѣялся). Но, отъ чего бы ни зависѣло такое дѣйствіе, этотъ разсказъ во первыхъ успокоилъ меня удивительнымъ образомъ относительно вѣроятной скорой разлуки съ о. Теодоромъ, а во вторыхъ,—съ особенною силою утвердилъ во мнѣ ту мысль,—мысль и прежде глубоко западавшую мнѣ въ душу, что часто мы незнаемъ,—чего просимъ и нерѣдко случается намъ раскаяваться въ томъ, что дѣло наконецъ, благодаря нашимъ усиленнымъ стараніямъ, устроилось такъ именно, какъ мы того хотѣли, вопреки всѣхъ трудностей, представлявшихся намъ (*обстоятельствами...*) въ исполненіи нашихъ желаній. Послѣ этого разсказа я почувствовалъ въ себѣ рѣшимость—по крайней мѣрѣ—не противоdѣйствовать упорно высшимъ назначеніямъ и—довѣрчиво принять, какъ лучшее, то, что дадутъ, если нельзя будетъ получить того, чего хочется. Что Богъ устроитъ, то и будетъ лучше“.

Изъ дальнѣйшихъ словъ письма видно, что эти общія разсужденія имѣютъ отношеніе къ выбору и рѣшенію, которое предстояло мнѣ при окончаніи академическаго курса и которое не могло не тревожить не только меня, но и моихъ родителей, особенно мать мою. Дѣло въ томъ, что слова о. Теодора: „меня, какъ монаха, оставили при академіи“, хотя „я окончилъ курсъ третьимъ“; а „баккалаврская вакансія была тогда одна“,—эти слова могли имѣть ко мнѣ ближайшее отношеніе: я тоже оканчивалъ курсъ третьимъ, а баккалаврская вакансія при академіи тоже была одна. И хотя родители мои не могли знать этого положенія дѣла съ такою опредѣленностью, какъ я; но и у нихъ не могло не возникать опасенія,—какъ бы и меня не „оставили при академіи—какъ монаха“. Вотъ почему, я чувствовалъ, что мнѣ слѣдовало, для успокоенія родителей, высказаться болѣе относительно этого предмета и продолжалъ письмо такъ: „Что

Богъ устроить, то и будетъ лучшее!... О. Инспекторъ согласился съ справедливостью моего представленія, что полезнѣе будетъ преподавать намъ,—сколько Богъ поможетъ,—вновь,—далѣе, чѣмъ заниматься повтореніемъ. Но при этомъ напомнилъ, чтобы я и въ другихъ утверждалъ тѣже начала, когда придется преподавать, „если,—быть можетъ,—останетесь здѣсь, или въ другомъ мѣстѣ гдѣ нибудь будете“, прибавилъ онъ. Не подумайте, пожалуйста, чтобы меня ослѣпила или прельщала подобная карьера. Быть можетъ, Вы подумаете: „а! такъ вотъ причина такой готовности подчиниться волѣ вышнихъ!—Нѣтъ у меня при этомъ возникла совсемъ другая мысль: а!—подумалъ я, если уже начинаютъ такъ говорить, такъ, значитъ,—мнѣ можно и умышленно поспустить нѣсколько рукава; пусть на меня поспадетъ курсъ; быть можетъ, это пригодится. Кромѣ того, что я чувствую себя и неспособнымъ занять,—по доброй совѣсти,—мѣсто преподавателя при академіи,—да это мѣсто и не по моему здоровью; потому что, если заниматься добросовѣстно,—здѣсь бакалавръ къ каждому классу долженъ приготовить сочиненіе, равное—и по объему, и по содержанію—доброму мѣсячному сочиненію. При этихъ словахъ о. Ѣодора я даже порадовался, что сочиненіе мое о. Веніамину вышло положительно дурно, такъ что мнѣ совѣстно даже нести къ нему за два мѣсяца три листика съ небольшимъ выписаннаго изъ русскихъ книгъ, да и то не на предметъ. „Пусть его“! подумалъ,—„какое право онъ имѣлъ поставить меня вторымъ, предъ прошедшимъ экзаменомъ, когда онъ не видалъ еще отъ меня сочиненій моихъ по его предмету“.

Какъ мнѣ пришлось черезъ нѣсколько времени выбирать и рѣшать свою судьбу на всю жизнь по вопросу объ оставленіи моемъ при академіи,—мнѣ придется еще сказать далѣе въ своихъ выпискахъ изъ писемъ того, что имѣетъ отношеніе къ о. Ѣодору; Не тотъ или другой рассказъ, не та или другая бесѣда о. Ѣодора, въ частности имѣли вліяніе на это и послѣдующія рѣшеніе моей жизни; но собственное его отношеніе къ жизни,—и въ текущей ея дѣйствительности, и въ повѣствованіяхъ о ней,—имѣли властительное дѣйствіе на души тѣхъ, кто приходилъ въ непосредственное съ нимъ соприкосновеніе. Такъ и этотъ рассказъ о дѣтскомъ довѣріи В. Ѣ. Владиславлева къ указаніямъ Божиимъ

въ „обстоятельствахъ“ нашей жизни, не смотря на діаметральную противоположность характеровъ — Владиславлевскаго и моего, поддержалъ, быть можетъ, и мою вѣру, когда черезъ 5 лѣтъ мнѣ предстало избрать рѣшеніе на весь остальной жизненный путь—принятіемъ священства. Но не какія нибудь 3 недѣли, а 3 года постоянной переписки съ невѣстой потребовались для меня, чтобы сдѣлать ей предложеніе—стать женою священника. Всѣ частности Владиславлевской исторіи,—и зачисленіе протоіерейскаго мѣста за сиротой, съ архіерейскимъ требованіемъ жениха академика, и бракъ по любви вмѣсто брака по зачисленію,—только совершенно въ иной комбинаціи, повторились въ моей жизни. И безъ воспитательнаго вліянія вѣры о. Θεодора едва ли вышелъ бы я побѣдителемъ изъ одинокой борьбы со всегдашнимъ моимъ сомнѣніемъ въ себѣ и маловѣріемъ!.. Продолжаю выписку:

„У о. Инспектора просидѣлъ я до 9 часовъ. Передъ прощаньемъ онъ спросилъ меня, читалъ ли я въ Православномъ Собесѣдникѣ бесѣду о. Ректора? Я даже не зналъ еще, что вышла уже книжка, потому что въ прошедшее воскресенье она была у насъ еще въ корректурѣ. О. Θεодору очень понравилась эта бесѣда о. Ректора и, почитавъ ее нѣсколько со мной, онъ сѣумѣлъ (какъ и всегда) своимъ чтеніемъ показать въ ней особенную глубину и силу въ тѣхъ мѣстахъ которыя я прочиталъ бы безъ него какъ фразы, какъ общія мѣста. Въ самомъ дѣлѣ бесѣда очень хороша; о. Ректоръ объяснилъ всю бесѣду Іисуса Христа съ женою Самарянкою въ приложеніи къ расколу. О. Инспекторъ далъ мнѣ прочитать ее на домъ“.

(1857 г. Мая 13/16). О. Веніаминъ сказывалъ, что о. Антоній Радонежскій представленъ вторымъ кандидатомъ на Тамбовскую епархію. Объяснилось нѣсколько дѣло и объ о. Инспекторѣ: прежде о. Ректоръ писалъ о. Θεодору, что не успѣлъ во — время приложить свои старанія о переводѣ его на мѣсто ректора въ Казанскую Академію или хотя въ Петербургскую Семинарію, потому что съ о. Іоанномъ онъ встрѣтился еще на дорогѣ, а въ Петербургскую Семинарію назначенъ уже былъ Нектарій. Далѣе слѣдовало говорить о мѣстѣ Нектарія; но о. Ректоръ, вѣроятно, этого мѣста просилъ не для о. Θεодора, а прочилъ его Пензен-

скому о. Евпсихію, съ которымъ онъ „почему-то“,—говорилъ о. Веніаминъ,—находится въ пріятныхъ отношеніяхъ. Поэтому-то, конечно, преосвящ. Агаѳангелъ очень глухо выразился въ письмѣ своемъ къ о. Теодору, о Новгородскомъ мѣстѣ: на это мѣсто уже предположено, писалъ онъ, перевести о. Евпсихія. Но, когда Митрополитъ Григорій, какъ видно, наотрѣзъ отказалъ перевести въ Новгородъ о. Евпсихія, тогда Преосвящ. Агаѳангелъ сталъ хлопотать объ этомъ мѣстѣ для о. Теодора, вслѣдствіе чего и начала распространяться „молва“, о которой писалъ о. Антоній къ о. Веніамину. Дай-то Богъ, чтобы не удались имъ всѣ эти старанія,—чтобы о. Теодоръ не вышелъ изъ академіи до самаго конца нашего курса! Ну, уже тамъ объ слѣдующемъ курсѣ нечего заботиться; быть можетъ, и не хорошо было бы прилагать *приставленіе ново къ ризѣ ветсы*; пусть будетъ цѣльное; *аще небы пришелъ и глаголаъ онъ, грѣха не быхомъ имѣли*, быть можетъ, и мы; *нынѣже извѣта не будемъ имѣть о грѣсѣ* малодушной лѣности и раздвоенія между вѣрой и жизнью. Еще когда-то они поймутъ его! Да и самому о. Теодору, хотя онъ думаетъ, что въ семинаріи ему будетъ легче, (такъ что,—говорилъ нѣкогда,—что хоть бы на Амуръ куда нибудь, только бы вырваться) на самомъ дѣлѣ въ семинаріи ему будетъ еще тяжелѣе: здѣсь все-таки больше благородства,—все побольше берегутъ его; а въ семинаріи!.. Притомъ, здѣсь еще понимаютъ его,—хоть немногіе,—которые ловятъ каждое его слово; да и всѣ, по временамъ, невольно увлекаются,—такъ что иногда притихаетъ возня и шумъ, которыми хотятъ выгнать его изъ класса, когда онъ уже слишкомъ долго продержитъ послѣ звонка; а нерѣдко случается, что онъ, увлекшись, держитъ цѣлыхъ полчаса лишнихъ послѣ звонка; что же было бы въ семинаріи: ученики не поймутъ изъ его словъ и десятой части; наставники всѣ отлились уже каждый въ свою форму, и—устарѣли, облѣнились, не захотятъ перестраивать своихъ познаній и убѣжденій. Я убѣжденъ: о. Теодору будетъ тамъ еще тяжелѣе“.

„Сейчасъ слышу, что изъ Казанской Академіи требуютъ 8 человѣкъ для миссіи въ Іерусалимъ; хорошенько еще этого дѣла не знаю. Еслибы любовь къ Вамъ не привязывали меня, съ какимъ удовольствіемъ поѣхалъ бы я туда“; („1857 г. мая 17—23. Передъ Троицей“). Вчера (20 мая)

меня Богъ привелъ быть за всенощной въ Спасскомъ монастырѣ у святителя Варсонофія. Около 6-ти часовъ съ небольшимъ, меня, по должности старшаго дежурнаго, позвалъ кое за чѣмъ о. Инспекторъ, тогда какъ въ городѣ и около насъ по всѣмъ церквамъ звонили ко всенощной. Исправивъ порученіе, я вздумалъ при удобномъ случаѣ попроситься у о. Инспектора ко всенощной; а онъ предложилъ,—не хочу ли я отправиться съ нимъ вмѣстѣ въ Спасскій монастырь. Я былъ очень радъ и, наказавъ своему помощнику сдѣлать ужинъ безъ меня, если—на всякій случай—я къ 9 часамъ не поспѣю,—отправился. Приѣхали мы—читали каѳизмы. О. Инспекторъ самъ сталъ на коврикъ у раки мощей Святителя, а мнѣ велѣлъ пройти на солею, гдѣ также замѣтилъ коврикъ. чтобы я не простудился съ ногъ на холодномъ каменномъ полу. Всенощная отошла въ 8 часовъ; о. Инспектору нужно было зайти къ Преосвященному“. (Преосвященному Никодиму,—викарію, который въ Спасскомъ монастырѣ настоятельствуеъ и имѣеъ пребываніе). „Я было просилъ позволенія—отправиться домой пѣшкомъ, представляя, что Владыка непременно задержитъ его; но о. Инспекторъ обѣщался пробыть недолго и предложилъ мнѣ зайти вмѣстѣ съ нимъ ко Владыкѣ. Еще въ церкви послѣ всенощной, когда я принималъ благословеніе у о. Климента,—бывшаго ректора Казанской Семинаріи,—онъ спросилъ о. Инспектора,—студентъ это или профессоръ; Владыка повторилъ тотъ же почти вопросъ; а о. Инспекторъ объяснилъ причину,—почему онъ захватилъ меня съ собой въ комнаты Его Преосвященства. Владыка сидѣлъ въ своей гостинной, въ креслахъ у отвореннаго балкона. О. Инспекторъ поклонился Владыкѣ въ землю, какъ самому Христу; а я, не разсмотрѣвъ хорошенько его поклонъ, сдѣлалъ только метаніе“.

Архіереямъ, стоящимъ у власти, о. Теодоръ, являясь къ нимъ, не дѣлалъ земныхъ поклоновъ; а Преосв. Никодимъ, почему-то, былъ у всѣхъ въ почтительномъ пренебреженіи; даже и служки монастырскіе исполняли обрядъ подобающаго къ архіерею обращенія какъ-то въ минимальныхъ размѣрахъ. И у начальства своего Преосв. Никодимъ былъ какъ-то въ загонѣ. Но думаю, что причину особенно почтительнаго отношенія о. Теодора къ Преосв. Никодиму нужно искать не столько во вѣншемъ мало-почетномъ положеніи

викарнаго архіерея, не пользующагося значеніемъ, но и въ личныя свойства Преосв. Никодима. О. Ѣвродоръ собственнымъ примѣромъ обыкновенно поддерживалъ въ другихъ подобающее сану уваженіе, когда были основанія къ опасенію, что другіе не почтутъ Христа въ лицѣ того или другаго священнослужителя.

„Владыка велѣлъ намъ сѣсть; я поставилъ кресло о. Инспектору противъ Преосвященнаго, а потомъ,—по вторичному приказанію его, сѣлъ и самъ. О. Инспекторъ принесъ Преосвященному для прочтенія курсовое сочиненіе Годяева о кроковомъ пѣніи, приготовляемое къ напечатанію въ Православномъ Собесѣдникѣ, и просилъ у него для прочтенія какого-то его сочиненія. Мы просидѣли до половины 10-го, и Владыка все это время говорилъ неумолкаемо; такъ что, если бы и я былъ на мѣстѣ о. Ѣвродора, и я не нашелъ бы времени подняться съ креселъ безъ нарушенія деликатности. Наконецъ самъ Преосвященный сказалъ: „ну, о. архимандритъ, вѣдь я все съ вами говорю; а мнѣ завтра служить“,—и мы сдѣлали ему прощальный земной поклонъ. Много бы другой вынесъ смущенія и осужденія послѣ бесѣды Преосв. Никодима; но о. Инспекторъ, выходя, сказалъ мнѣ, что онъ всегда выноситъ отъ него назиданіе; я только подивился,—какъ онъ не соблазнился. Но онъ во всемъ слушаетъ слова Самаго Христа; а Владыку и особенно слушаетъ въ такомъ именно настроеніи; потому, все въ его глазахъ принимало другой видъ. И это не то, чтобы намѣренное оправданіе,—желаніе перетолковать въ добрую сторону, защититъ человѣка отъ обвиненія; нѣтъ! это бы тотчасъ же можно было замѣтить и не въ такомъ дѣтски-простодушномъ человѣкѣ, какъ о. Инспекторъ; видно, что онъ передаетъ свое пониманіе, свое воззрѣніе на слова,—какъ свое задушевное убѣжденіе. Когда мы вѣхали, онъ спросилъ меня, все ли я понялъ, что говорилъ Преосвященный“;—все,—отвѣчалъ я. О. Инспекторъ улыбнулся; долго потомъ съ улыбкой посматривалъ на меня, думая о томъ, какъ я понимаю слова Преосвященнаго. Минуть черезъ 10 онъ спросилъ: „а ну-ко я васъ поэкзаменую; какъ вы, напримѣръ, поняли то, что онъ говорилъ, что,—по его богословію,—священство неснимаемо? (Преосвященный, помнится, объ этомъ такъ и выразился словами Церкви Западной: *Signum indelebile*) я дол-

женъ былъ признаться, что не понялъ, чтобы не сказать правды, что я понялъ эти слова прямо какъ неправильное мнѣніе Преосвященнаго. О. Инспекторъ объяснилъ мнѣ, какимъ образомъ это можетъ быть;—объяснилъ, не отвергая православнаго ученія о возможности и о дѣйствительности случаевъ снятія священства. Потомъ объяснилъ также рѣзкіе отзывы Преосвященнаго о св. отцахъ и правилахъ покаянія. Остальную половину этого разговора мы докончили уже, ходя по корридору, до 10 часовъ слишкомъ. Когда мы пріѣхали, студенты не только отужинали, но уже и помолелись“.

„На другой день, т. е. во вторникъ послѣ перваго класса я принесъ къ о. Инспектору конспектъ и засталъ у него о. Тихона, бывшаго нашего товарища по расколу. Преосв. Григорій, для удобства занятій, перевелъ его изъ села, гдѣ у него былъ очень хорошій приходъ и свой домикъ, въ Казань на кладбище“. (Кладбище—противъ самой академіи; такъ Преосв. Григорій перевелъ сюда о. Тихона „для удобства занятій“ въ академіи на противораскольническомъ миссіонерскомъ отдѣленіи). И здѣсь его полюбилъ весь городъ, такъ что сильно хлопотали предъ Преосвящ., не опредѣлить ли онъ его къ Егорьевской церкви. Но Преосв. Аѳанасій не захотѣлъ отмѣнить воли Преосв. Григорія, который посылаетъ о. Тихона обращать раскольниковъ въ Чистополь,—гдѣ онъ будетъ получать жалованье—меньше того, сколько на кладбищѣ получить дьячекъ. О. Тихонъ пришелъ проститься. И я простился съ нимъ; а когда онъ ушелъ, о. Инспекторъ высказалъ мнѣ свой взглядъ на его судьбу, которая прежде служила для меня предметомъ соблазна и осужденія, какъ одинъ изъ примѣровъ деспотизма,—не соглашающаго частныхъ интересовъ съ пользою общею. Потомъ онъ говорилъ о многихъ другихъ предметахъ, или самъ, или вслѣдствіе моихъ вопросовъ. Мы проходили съ нимъ весь классъ и все время большой перемены, т. е. часа полтора. Какъ много еще будетъ недослушаннаго, неуясненнаго для насъ, если его отъ насъ переведутъ; а между тѣмъ онъ такъ тяготится своею должностію въ нашей академіи, что (тутъ же онъ признавался мнѣ), постоянно молится, чтобы его Господь куда нибудь перевелъ въ другое мѣсто, хоть бы въ Иркутскъ, хоть бы на Кавказъ. Въ этотъ разъ я просилъ его уяснить

мнѣ состояніе душъ отшедшихъ,—почему они такъ связаны, что только при посредствѣ нашемъ могутъ получать разрѣшеніе“.

„Вотъ и я возвратился изъ путешествія“ (въ городъ). „Сначала отстоялъ обѣдню на кладбищѣ, потому что дальше идти было уже поздно послѣ того, какъ о. Инспекторъ всталъ и принялъ меня. И то, вовсе было онъ отказалъ мнѣ въ отпускѣ; да—спасибо—пришло ему на умъ, что долженъ же я надзирать за студентами и въ другихъ мѣстахъ, а не сидѣть въ академіи, гдѣ остались почти одни стѣны“ (это была послѣдняя рекреація). Произведши моего помощника въ испр. долж. череднаго старшаго, я отправился“...

„Дописываю 24 числа поутру. Вчера о. Инспекторъ вечеромъ, когда я приходилъ съ журналомъ, далъ мнѣ 2 апельсина“.

(1857 г. 5—14 Іюня). „Вчера меня спросилъ къ себѣ о. Инспекторъ. Самъ онъ отправился въ Институтъ къ А. И. Д., гдѣ общалась съ нимъ увидѣться и С. Д.; а мнѣ поручилъ отвезти къ преосвященному Іосифовскій требникъ, который онъ просилъ у него, и—Макаріевскій еще, на всякій случай. Мы отправились часовъ въ 7, въ коляскѣ о. Ректора. Высадивъ о. Инспектора у Института, я отправился далѣе; но, затрудняясь экипажемъ, я предложилъ о. Инспектору,—не отослать ли экипажъ тотчасъ же по приѣздѣ, потому что я былъ увѣренъ, что преосвящ. не отпуститъ меня скоро. О. Инспекторъ одобрилъ мою мысль; но велѣлъ мнѣ не тотчасъ отпускать экипажъ, а—въ томъ случаѣ, если увижу, что преосвященный дѣйствительно намѣренъ задержать меня. Приѣхавъ въ Спасскій монастырь, я не зналъ—какъ благодарить о. Инспектора за его совѣтъ—не тотчасъ отпускать коляску; потому что преосвященный, какъ я узналъ, живетъ нынѣ въ Теодоровскомъ монастырѣ; въ его комнатахъ въ Спасскомъ монастырѣ дѣлаются поправки; перестилаютъ полы. Чтб бы я сталъ дѣлать, оставшись въ Спасскомъ монастырѣ съ двумя огромными книжищами, которыя я едва могъ дотащить отъ коляски до двери; привелось бы тащить ихъ до Теодоровскаго монастыря, котораго я,—въ придачу,—до сихъ поръ еще и не зналъ. Но теперь мы отправились въ Теодоровскій монастырь, все въ той же Іосифовой колесницѣ,—мы, т. е. я и книги“. (Послѣ описанія приѣма у преосвящ.

въ Θεодоровскомъ монастырѣ,—я оканчивалъ разсказъ объ исполненіи этого порученія:). „Вечеромъ, часовъ, около 10, когда о. Θεодоръ возвратился, я пришелъ сказать ему объ исполненіи его порученія и—какъ онъ наказывалъ мнѣ предъ отправленіемъ туда — пересказать, что говорилъ со мной преосвященный. Онъ объяснилъ мнѣ потомъ слова, которыя я ему пересказалъ. Я пробылъ у него дольше 11 часовъ“.

Такъ озабочивался о. Θεодоръ, чтобы не осталось какогонибудь соблазна или недоразумѣнія, какъ послѣдствія бесѣды съ столь уважаемымъ имъ преосвящ. Никодимомъ. Въ объясненіе этого можно сказать, что это былъ тотъ самый преосвящ. Никодимъ (Казанцевъ) послѣ епископъ Енисейскій, дневникъ котораго и записка о Синодальномъ управленіи могли явиться въ печати только въ недавнее время, по независимости его взглядовъ и по рѣзкости ихъ выраженія.

(1857 г. *Іюня 15*) „Итакъ въ субботу, вмѣсто экзамена“ (который, по болѣзни о. Ректора, съ субботы перенесенъ имъ былъ на вторникъ), „я отправился въ церковь на кладбище. Возвратившись въ 9½ часовъ, нахожу, что намъ дано предложеніе: „Постоянная борьба церкви съ ересями и расколами приносить ли какуюнибудь пользу самой церкви?—съ прибавленіемъ (также рукою самого о. Инспектора), чтобы подать всѣмъ непременно къ часу, когда они и будутъ представлены о. Ректору. Дано въ 9 ч. утра“. Слово „также“ заставляетъ думать, что и предложеніе было написано рукой о. Инспектора; но едвали можно сомнѣваться, что придумано и редактировано было оно для нашей миссіонерской академіи самимъ ея новымъ ректоромъ. „Чуть-чуть я успѣлъ окончить къ часу свой поллистикъ, а прочитать его даже и не успѣлъ; хотя, какъ увидалъ потомъ, можно было бы подать и послѣ обѣда; потомучто о. Инспекторъ, какъ видно, не желая обидѣть тѣхъ, которые не успѣли написать къ сроку, отнесъ наше сочиненіе о. Ректору уже послѣ 4-хъ часовъ. Часовъ въ 10 вечера пришелъ отъ о. Инспектора Павловъ съ извѣстіемъ, что о. Ректоръ уже сдалъ о. Инспектору наши сочиненія, чтобы отдать ихъ для прочтенія о. Григорію. Но и самъ онъ прочиталъ 3 сочиненія: Павлова, Соколова и мое. У Павлова сочиненіе было написано вполнѣ въ духъ и по мыслямъ о. Θεодора. О. Ректоръ подчеркнул въ немъ всѣ выраженія, свойственныя о. Θεодору. (Онъ еще

въ Петербургѣ слышалъ объ о. Инспекторѣ, и здѣсь — очевидно — старается дѣлать все наперекоръ ему, — не потому, чтобы между ними были личности, но по діаметральной противоположности ихъ направленій. О. Ѳеодоръ высказывая Павлову свое удивленіе на эти поправки или замѣчанія о. Ректора, рассказалъ между прочимъ, что однажды о. Ректоръ, будучи цензоромъ, исчеркалъ проповѣдь и у самаго преосвященнаго Филарета митроп. Московскаго, хотя потомъ его и заставили отказаться отъ своихъ поправокъ. А о. Ѳеодоръ того же направленія, исключая того, что онъ обвиняетъ самаго митрополита, — въ идеализмъ; потому, — понятно, что о. Ректоръ исчеркалъ сочиненіе Павлова“). Однако онъ не высказалъ никакого сужденія о его достоинствѣ и только написалъ вверху карандашемъ: „выраженія неясны и неопредѣленны“. Павловъ утѣшенъ оправданіемъ и сочувствіемъ о. Ѳеодора. Онъ немного прогадалъ: онъ думалъ, что сочиненіе будетъ читать самъ о. Ѳеодоръ — и за то былъ наказанъ. Я писалъ, воспользовавшись только мыслями о. Веніамина, высказанными въ началѣ его Церковной Исторіи, о *развитіи* въ Церкви и христіанствѣ, хотя также съ понятіями уже нѣсколько уясненными чрезъ уроки о. Ѳеодора. Потому, какъ я послѣ увидалъ, результатъ у меня вышелъ мертвъ и сухъ, какъ и все, что выходитъ изъ направленія мертвой законной буквы, неоживленной духомъ и силою. Все пріобрѣтеніе Церкви отъ борьбы съ ересями и расколами по моему, вышло только въ логическомъ опредѣленіи догматовъ, — въ отчетливомъ пониманіи обязанностей. Самъ вижу, — результатъ, нестоющій борьбы и потерь, понесенныхъ Церковію въ этой борьбѣ. Нѣтъ, Господь — побѣдитель что нибудь да большее извлекаетъ изъ побѣды Церкви. Потомъ, отъ собственнаго разумѣнія, я указалъ на то, что борьба Церкви съ ересями и расколами предохраняетъ вѣрующихъ отъ направленія раціоналистическаго и индифферентизма. Какъ подтвержденіе моей мысли, я сопоставилъ настоящее состояніе христіанъ въ Церкви греческой, постоянно боровшейся съ ересями и расколами, и — Западныхъ христіанъ, припомнивъ, какъ Первосвященники Римскіе гордились чистотою Церкви Римской отъ ересей и укоряли грековъ. Но, предполагая, что о. Ректоръ не утерпитъ, чтобы сочиненій трехъ не прочесть самому, я всего больше старался объ

осторожности въ выраженіяхъ, помня, что о. Ректоръ пріѣхалъ изъ петербургской придворной академіи, да — что и самъ онъ церковный дипломатъ. Слѣдствіемъ было то, что на моемъ сочиненіи о. Ректоръ сверху, также карандашемъ, написалъ: „порядочно; впрочемъ, есть нѣсколько мыслей не правильныхъ“, которыя онъ и подчеркнул, — на примѣръ сопоставленіе церквей Восточной и Западной. На сочиненіи Соколова написано только сверху: „ничего не связано“, — и ничего нигдѣ даже не подчеркнул.

„Четвергъ. Я записался было въ городъ за покупками, съ намѣреніемъ зайти въ соборъ, и тамъ постоять обѣдню, сколько застану, а потомъ и — дѣйствительно, — за покупками. Заутреню и обѣдню стоялъ я въ алтарѣ; служба у насъ была вовсе не праздничная; заутреню служилъ одинъ о. Экономъ; благословенія хлѣбовъ не было; обѣдню служилъ о. Инспекторъ тоже съ однимъ о. Экономомъ; въ церкви не было не только никого постороннихъ, — никого почти не было и студентовъ, потому что человѣкъ 20 записались къ обѣднѣ въ Соборъ; записались, — правда; но уволены не были, а ушли — не дождавшись увольненія, въ которомъ были заранѣе увѣрены; а о. Инспекторъ написалъ: „Не дозволяется; потому что опасно отпускать къ обѣднѣ изъ дому тѣхъ, которые и дома лѣнятся ходить къ богослуженію“. Хотя я и еще двое записывались и не въ церковь, однако — вмѣстѣ съ другими — и мы подпали подъ тоже запрещеніе.

(1857—1858 учебный годъ).

(1857 г. Сент. 6 дня). „Четвертый годъ въ академіи“. „Умывшись немного“ (съ дороги, при возвращеніи изъ дома послѣ каникулъ въ академію) „и переодѣвъ сюртукъ, я отправился къ о. Инспектору; но онъ еще не выходилъ. Между тѣмъ о. Веніамину служитель доложилъ уже о моемъ пріѣздѣ и такъ какъ второй классъ былъ его, — я дождался его въ коридорѣ, чтобы сказать, что я еще не явился къ о. Инспектору; а о. Веніаминъ пригласилъ меня въ 4 часа къ себѣ. Наконецъ являюсь къ о. Инспектору; „а, — сказалъ онъ, вотъ, наконецъ! а я уже началъ было объ васъ беспокоиться: что — это онъ такъ долго не ѣдетъ? ужъ не опасно ли захворалъ“. — Нѣтъ, В. В., — отвѣчалъ я, — болѣзнь моя больше

была предложомъ; а мнѣ просто захотѣлось подольше пожить дома,—поправиться здоровьемъ“. И почти до 11 часовъ онъ ходилъ и говорилъ со мной, а потомъ послалъ въ классъ, сказавши: „подите,—еще—можетъ быть—что нибудь застанете“. Между тѣмъ о. Инспекторъ прислалъ мнѣ журналъ отлучающихся изъ академіи и приказалъ принять дежурство: недѣля была моя и за меня дежурилъ мой помощникъ А. С. К.“

„Догматику взялъ себѣ о. Ректоръ; а о. Инспекторъ взялъ, вмѣсто о. Ректора, противораскольническую Педагогику“.

Въ пятницу былъ классъ о. Ректора. Онъ говоритъ лекцію не на кафедрѣ, которая стоитъ бокомъ къ студентамъ, но подлѣ кафедры ему ставятъ кресло и онъ, сидя лицомъ къ студентамъ, и уставивъ глаза въ книгу,—медленно, но твердо, безъ поправокъ, безъ повтореній, импровизируетъ свою лекцію какъ печатный станокъ. Онъ сказалъ намъ заранее, что лекцій выдавать намъ не будетъ, а—если хотимъ,—пусть записываютъ за нимъ; онъ послѣ выправить. „Печатныхъ учебниковъ не нужно; это—глупость!“ Известно, что онъ былъ въ непріятныхъ отношеніяхъ съ Преосвящ. Макаріемъ. Но, какъ ни твердо онъ говоритъ, нельзя не пожалѣть прежняго преподавателя,—о. Θεодора; кромѣ того, что нынѣ такъ мертво, холодно и сухо,—само отрицательное православіе его многимъ не похоже на то православіе, которое проповѣдывалъ Иисусъ Христосъ, ап. Павелъ и св. отцы. Я не могу принять такой догматики; что будетъ дальше“.

„Курсовыя сочиненія велѣно подать къ Маю; да еще о. Ректоръ хотѣлъ было намъ дать семь сочиненій мѣсячныхъ, такъ что каждое сочиненіе выходило на 20 дней; да три проповѣди. Но о. Инспекторъ умолилъ его избавить насъ хотя отъ сочиненій, а проповѣди остались все-таки за нами.

(1857 г. Сент. 12—18). „Четвергъ утромъ. Вчерашній день былъ у насъ Его Высочество, Петръ Георгіевичъ Принцъ Ольденбургскій. Повѣщено было,—въ 10 ч. утра собраться всѣмъ наставникамъ. Около половины 12-го пріѣхалъ Принцъ. О. Инспекторъ, встрѣтивъ его, поспѣшилъ въ классъ, потому что были его часы. Только что началъ онъ говорить лекцію, какъ двери растворились и Е. В. влетѣлъ ловко, по военному, склонившись нѣсколько набокъ и раскланялся

съ нами по всѣмъ правиламъ танцевальнаго искусства. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ сдѣлалъ рукою движеніе,—выражавшее: „не беспокойтесь, сидите!“—мы стоимъ. О. Ректоръ представилъ о. Инспектора и Петръ Георгіевичъ пожелалъ слушать лекцію. По выраженному вторично желанію его, о. Ректоръ сдѣлалъ знакъ, чтобы мы сѣли. О. Теодоръ вошелъ на кафедру и, стоя, продолжалъ лекцію. И обыкновенно онъ не скоро находить слова для выраженія своихъ мыслей; при усиленномъ стараніи—говорить быстрѣе, слова еще больше затрудняли его; видно было, что онъ съ большимъ усиліемъ отыскиваетъ выраженія для мыслей, толпой тѣснившихся наружу. О. Инспекторъ стоялъ на кафедрѣ, полуобратившись къ намъ. Петръ Георгіевичъ и о. Ректоръ стали на противоположной сторонѣ, отъ насъ за кафедрой. О. Ректоръ предложилъ было стулъ, но Принцъ остался стоя; у открытыхъ дверей стоялъ весь сонмъ, его сопровождавшій. Постоявъ минутъ пять, въ продолженіе которыхъ онъ то говорилъ съ о. Ректоромъ, то поглядывалъ въ садъ, то на свой сапогъ,—наконецъ раскланялся опять по прежнему и также быстро вышелъ, какъ и вошелъ“.

„Нынѣ“ (13-го Сент.) „пріѣхалъ Графъ Толстой“ (Александръ Петровичъ,—Оберъ-Прокуроръ Свят. Синода) и мы опять готовимся,—больше прежняго: изъ столовъ выбираютъ куда нибудь подальше табакъ, изъ шкафовъ свѣтскіе журналы. По милости Графа, насъ арестовали: о. Ректоръ далъ приказаніе не увольнять студентовъ въ городъ ни сегодня, ни завтра; по этому случаю студенты, записывавшіеся нынѣ въ городъ, не уволены,—и я въ томъ числѣ. Но,—къ счастью,—я ушелъ, недождавшись запрещенія или позволенія, когда книгу не носили еще къ о. Инспектору,—въ половинѣ 9-го. Пришедши домой, явился съ повинной головой къ о. Теодору и—все обошлось хорошо. Завтра ждемъ Прокурора; часовъ въ 12 онъ обѣщалъ быть, а вечеромъ—говорять—уѣдетъ“.

„Воскресенье. Ждемъ Графа. Обѣдня у насъ началась, по обыкновенію, въ 9 съ половиной и о. Ректоръ сдалъ приказаніе, чтобы къ 11 часамъ все было кончено. Послѣ обѣдни и нынѣ, и вчера студенты пили чай въ кухнѣ, потому что въ столовой было уже покрыто къ обѣду,—хоть сію же минуту подавать кушанье. Послѣ обѣдни о. Ректоръ ходилъ

осматривать номера и, не заставъ многихъ студентовъ, когда ему сказали, что они пьютъ чай, закричалъ: „что за чай!“ и сейчасъ же послалъ служителя, чтобы самовары загасить и воды студентамъ не давать“.

„Вотъ наконецъ и Его Сіятельство посѣтилъ насъ. Онъ пріѣхалъ около половины перваго; прямо—въ церковь; тамъ всѣ наставники и начальствующие усталились въ рядъ и каждому Прокуроръ что нибудь сказалъ. Изъ церкви онъ отправился въ библіотеки, въ классы,—повсюду удивляя своей наивностью, простотой и невѣдѣніемъ. Затѣмъ отправился по номерамъ. Въ первомъ номерѣ замѣтилъ, что одинъ студентъ удивительно похожъ на Государя Императора; онъ такъ удивленъ былъ, что только пожималъ плечами. Во второмъ номерѣ о. Ректоръ почему-то сказалъ, что тутъ живутъ младшіе студенты (вообще о. Ректоръ предъ посѣтителемъ никогда не застѣивается, а говоритъ наобумъ, когда не знаетъ навѣрное; напр. Принцъ спрашиваетъ: сколько семинарій въ Казанскомъ округѣ; о. Ректоръ отвѣчалъ: девять; тогда какъ 9—это въ Петербургскомъ, а у насъ 13. Еще: сколько у насъ бываетъ классовъ латинскаго языка?—о. Ректоръ тотчасъ же: „два класса“,—тогда какъ у насъ—т. е. въ старшемъ отдѣленіи, „вовсе не полагается латинскихъ классовъ). Точно также и теперь,—Прокуроръ обращается къ одному изъ мнимыхъ младшихъ студентовъ, который—ростомъ въ косую сажень, и спрашиваетъ его: „сколько вы лѣтъ въ академіи?“ Верецагинъ,—такъ звали этого студента,—послѣ говоритъ: конечно, я бы не затруднился сказать, что я годъ еще только въ академіи; да—вижу, что на меня такъ и уставился о. Ѳеодоръ: того и гляди,—обличить; онъ ужъ и такъ твердитъ Прокурору, что тутъ живутъ старшіе, а не младшіе студенты. „Три года“, отвѣчалъ Верецагинъ. „Что такое: старшіе?“—обратился наконецъ съ вопросомъ Прокуроръ, разслушавъ кое что наконецъ“. Это вотъ старшій, Ваше Сіятельство, а это—его Помощникъ, вывернулся о. Ректоръ. „И здѣсь то же младшіе?“—спросилъ Прокуроръ, войдя въ нашъ номеръ.—„Такъ точно, Ваше Сіятельство! впрочемъ, они тоже живутъ у насъ не одни, а подъ надзоромъ старшаго“—и о. Ректоръ указалъ рукой на меня. Я сдѣлалъ полупоклонъ, въ родѣ рекомендаціи. „Вы не совсѣмъ здоровы, кажется“—сказалъ Прокуроръ, обра-

щаясь къ стоявшему подлѣ Морошкину.—„Да, я недавно вышелъ изъ больницы“, отвѣчалъ тотъ и Прокуроръ пошелъ далѣе. Въ пятомъ номерѣ о. Ректоръ преобразилъ уже младшихъ студентовъ въ старшихъ; вѣроятно,—подумалъ, что надо же гдѣ нибудь и старшихъ студентовъ сдѣлать; а то—нехорошо: 5 номеровъ все будутъ съ младшими студентами и только одинъ—старшихъ. О. Инспекторъ опять поправилъ о. Ректора и тотъ опять употребилъ прежній маневръ, пользуясь глухотой Графа: „Я говорю, что это вотъ Старшій, Ваше Сіятельство!“ Въ спальняхъ Прокуроръ замѣтилъ, что насъ содержатъ даже роскошно; говорилъ, что, когда онъ воспитывался, у нихъ не было такихъ прекрасныхъ одѣялъ“ (а одѣяла у насъ были бѣлыя байковые и, дѣйствительно, очень мягкой шерсти) „и спалъ онъ на одной подушкѣ; заключеніе высказалъ, что мы (духовные) не должны много гнаться за красотой, но чтобы не щадили суммъ для сбереженія силъ и здоровья. Все и вездѣ онъ находилъ прекраснымъ. Въ столовой было уже совсѣмъ накрыто, а на инспекторскій столикъ поставлены „пробныя“, или, какъ справедливѣе называютъ ихъ, „образцовыя“ порціи для начальства. Такъ какъ это было въ воскресенье, то у насъ, кромѣ трехъ блюдъ, были пироги и въ числѣ блюдъ случайно красовался пуддингъ; (случайно, потому что нельзя предполагать, что еще за недѣлю до пріѣзда Графа, когда составлялось расписаніе кушаньямъ, о. Экономъ могъ знать, что Графъ посѣтитъ насъ именно въ воскресенье). „Это, вѣроятно, по случаю праздника у нихъ такой столъ?“ спросилъ Графъ; о. Ректоръ поспѣшилъ утвердить его въ этой мысли“. То-то! а то—вѣдь ихъ не надобно пріучать къ слишкомъ роскошной жизни; послѣ имъ же трудно будетъ отвыкать“. Наконецъ Графъ сталъ прощаться и обѣщался, если будетъ время, еще разъ побывать въ академіи; о. Ректоръ предложилъ ему побывать на другой день на лекціяхъ и обѣщался представить расписаніе классовъ.—„Хорошо! такъ пожалуйста ко мнѣ теперь съ о. Θεодоромъ и привезите ко мнѣ расписаніе“. О. Ректоръ и о. Инспекторъ пробыли у Прокурора до 4-хъ часовъ. Графъ присылалъ за о. Θεодоромъ еще въ субботу, чтобы онъ явился къ нему въ 5 часовъ; но о. Θεодоръ, по обыкновенію, опоздалъ; въ 20 минутъ 6-го только отправился, а Прокурору въ 6 часовъ

нужно было куда-то ѣхать и онъ его уже не принялъ. „Ну, Богъ съ нимъ!—Богъ съ нимъ, батюшка!“—отвѣчалъ о. Ѣодоръ о. Веніамину, когда тотъ выразилъ ему весь свой ужасъ отъ такой неточности его передъ такимъ лицомъ“!

„На другой день, въ понедѣльникъ, въ половинѣ 11-го, когда у насъ въ классѣ былъ о. Григорій, пріѣхалъ Прокуроръ. Намъ слышно, что онъ прошелъ въ низшее отдѣленіе. Къ счастію звонокъ скорѣ избавилъ о. Григорія отъ тяжелой заботы. Слѣдовала бы большая перемѣна, продолжающаяся по уставу полчаса, а на самомъ дѣлѣ часъ, потому что наставники обыкновенно медлятъ своимъ приходомъ полчаса послѣ звонка. Но насъ тотчасъ же опять загнали въ классъ и пришелъ о. Ѣодоръ; былъ классъ Противораскольнической Педагогикѣ. Только что началъ о. Инспекторъ свою лекцію, вошелъ Графъ, въ сопровожденіи о. Ректора; о. Ректоръ подаль ему стулъ и Графъ сѣлъ немного бокомъ и спиной къ кафедрѣ, чтобы не смущать—должно быть—профессора. О. Ректоръ сѣлъ на другой сторонѣ, спиной къ младшимъ студентамъ; (на расколъ собираются оба отдѣленія,—и высшее, и низшее). О. Ѣодоръ сталъ на кафедрѣ и продолжалъ лекцію,—не торопясь, не смущаясь, какъ обыкновенно со всѣми своими поэтическими отступленіями, повтореніями и обращеніями. Графъ слушалъ—все согнувшись, не поднимая головы. О. Ректоръ, слушая, вѣроятно, многое принималъ прямо на свой счетъ, хотя у о. Инспектора и мысли не было говорить что нибудь противъ лица, а не противъ направленій. Высидѣвъ ровно часъ, Графъ всталъ и, поблагодаривъ о. Ѣодора, сказалъ: „я совершенно согласенъ съ Вашимъ первымъ положеніемъ; а втораго—вѣрно, я немного не дослышалъ; я глухъ немного, а Вы говорите очень тихо; такъ что я что-то непонялъ; мнѣ кажется... и онъ изложилъ свое замѣчаніе. О. Ѣодоръ хотѣлъ было дополнить свои слова, но Графъ простился, изъявивъ сожалѣніе, что не можетъ дальше послушать нашихъ уроковъ и еще побывать у насъ“.

(1857 г. Окт. 4—10). „....Часовъ около 7, пріѣзжаетъ“ (къ Корсаковымъ) Эмма Вас. Кулебякина съ мужемъ. Эта дама (мнѣ давно уже говорили о ней) изъявила желаніе принять православіе. Она просила Софью Дм. быть ея воспріемницей и наставницей въ православіи, а С. Д. хочетъ предоставить

ее наставленіямъ о. Θεодора“. „С. Д. поручила мнѣ просить къ нимъ завтра о. Θεодора, объяснивши ему и причину, зачѣмъ его желаютъ видѣть. Любопытно будетъ завтра узнать, что онъ поговорить съ Эммой Вас.“.

„Вечеромъ у нихъ былъ о. Θεодоръ и бесѣдовалъ съ Э. В. Его ждали тамъ съ 5 часовъ; потому я былъ очень удивленъ, когда онъ въ 7 часовъ пришелъ въ нашъ номеръ; ужели онъ уже съѣздилъ?—думалъ я. На другой день узнаю, что онъ приѣхалъ къ нимъ уже въ 9-мъ часу, такъ что они перестали было уже и ждать его; его кучеръ сначала подвезъ его къ Университету, потомъ опять вывезъ на Арское Поле, такъ что наконецъ о. Θεодоръ уже самъ долженъ былъ указывать ему дорогу. Въ этотъ разъ, по словамъ Софьи Дм., о. Θεодоръ говорилъ такъ просто и ясно, что Софья Дм. приходило въ голову: какъ это она сама не сказала того же. (sic!) Эмма Вас., конечно, была въ восторгѣ. Я, какъ только послѣ урока заговорили мы о ней, спросилъ о томъ впечатлѣніи, какое сдѣлалъ на нее о. Θεодоръ; если только я вѣрно понималъ французскую фразу, которую въ подлинникъ передала С. Д.,—то Эмма В. сказала, что это не человѣкъ, а—выше человѣка. О. Θεодоръ объяснялъ имъ мѣста и изъ посланій Ап. Павла, и изъ Апокалипсиса; (особенно сильны и убѣдительны бываютъ его слова, когда онъ основываетъ ихъ на Апокалипсисѣ; вѣроятно, онъ объяснялъ имъ главу, въ которой говорится о лютеранствѣ). Какъ бы Вы думали?—въ такихъ миссіонерскихъ разговорахъ онъ просидѣлъ у нихъ до... 12 часовъ; такъ что С. Д. сама уже напоминала ему, что—конечно—они завтра могутъ спать сколько хотятъ; а у него—вѣроятно—есть дѣла, которыя потребуютъ его въ свое опредѣленное время. Эмма Вас. общалась быть у него на другой день, вмѣстѣ и съ мужемъ“.

„У насъ о. Ректоръ продолжаетъ ходить по классамъ. Въ среду пришелъ онъ на классъ о. Григорія; у него не было лекціи,—онъ спрашивалъ студентовъ повторять прочитанное имъ сочиненіе о. Θεодора: Ап. Павелъ въ своихъ посланіяхъ. По приходѣ о. Ректора, онъ поскорѣе бросилъ прежняго студента и обратился къ Павлову; Павловъ кое что говорилъ, о. Григорій наводилъ его, о. Ректоръ возражалъ. Наконецъ, когда Павловъ говорилъ уже съ полчаса или болѣе, о. Ректоръ сказалъ: спросите когонибудь другаго или чи-

тайте лекцію; о. Григорій объяснилъ, что лекціи онъ не приготовилъ, положивъ употребить весь этотъ классъ на повтореніе и спросилъ меня; я сказалъ еще менѣе, чѣмъ Павловъ. Дѣло все вертѣлось только на „стихіяхъ міра“ (Гал. IV, 3. 9. Кол. 11, 8, 20); о. Ректоръ возражаетъ такъ положительно, что уничтожаетъ всякую возможность думать о защитѣ своего мнѣнія. Къ счастью, скоро пробили звонокъ и вывели насъ изъ жалкаго положенія. Всѣ мы, по нашему выраженію,—наплавались; („наплаваться“ это значить быть въ такомъ положеніи, что только постоянными неимоверными усиліями спасаешься отъ ежеминутнаго конечнаго потопленія; но, конечно, всего хуже было о. Григорію“).

Въ дополненіе и объясненіе написаннаго тогда, скажу нѣсколько словъ объ этой непобѣдимости возраженій о. Ректора,—„такихъ положительных“, что и профессоръ, и студенты оказывались въ положеніи плавающихъ, т. е. не имѣющихъ земли подъ ногами. Причина была въ томъ, что профессоръ и студенты излагали догматъ вѣры, а возражатель стоялъ на почвѣ рраціоналистическаго пониманія ученія Христова. Когда въ богословскомъ словоупотребленіи у насъ принято мистицизмомъ называть религіозное суевѣріе, т. е. вѣру не утверждающихся на Откровеніи; то очень простиительно было и профессору, только что вступившему тогда на кафедру, а тѣмъ болѣе студенту, что они не посягали открыто заявить ректору академіи и доктору богословія, что „христіанство по существу своему есть мистицизмъ“, какъ открыто говорилъ это о. Теодоръ и какъ говоритъ слово Божіе, называющее ученіе Христова тайною (*μυστήριον*)—тайною евангелія, (Еф. VI, 19) тайнами Царствія Божія (Мр. IV, 11. Лк. VIII, 10. Мѣ. XIII, 11) тайной Христовой (Кол. IV, 3. Еф. III, 4) тайною Бога и Отца, и Христа (Кол. 11, 2) домо-строительствомъ тайны (Еф. III, 9). Объ этой-то „великой тайнѣ благочестія“, что „Богъ явился во плоти и оправдалъ Себя въ Духѣ“ (1 Тим. III, 19)—тайнѣ, усвояемой только вѣрою, и шла рѣчь у ректора, студентовъ и профессора. Ученіе о томъ, что „законъ“, т. е. все ветхозавѣтное устройство, ко времени пришествія Христова, стало безсильно для спасенія, перестало живоительно дѣйствовать на душу (Рим. VIII, 3) и это потому именно, (*ἐν τῇ ὑποθέσει διὰ τῆς σαρκὸς*) что сама „плоть“ вещественность,—„стихія міра“,

на которыхъ держалось все ветхозавѣтное устройство (Кол. 11, 20—22. Гал. IV, 9. 10) стали „жалкими и безсильными“,— утратили первобытную силу и величіе, эта великая мысль Ап. Павла, раскрываемая о. Теодоромъ, конечно, должна была оказаться недоказанной и недоказуемой, коль скоро для откровенной тайны потребовали „положительныхъ“, математическихъ доказательствъ. О. Ректоръ требовалъ, чтобы ему—какъ $2+2=4$ доказали сказанное Апостоломъ: Такъ какъ законъ сталъ безсильнъ, потому что сами вещественныя начала міра (плоть) сдѣлались немощны и безсильны; то Богъ и послалъ въ міръ Сына Своего, чтобы Онъ вошелъ во всѣ условія этой вещественности—„въ подобіи плоти грѣховной и за грѣхъ осудилъ грѣхъ во плоти“ (Рим. VIII, 3. Гал. IV, 9. 10). Развѣ осужденіе Отцемъ Сына Божія на крестную жертву за грѣхъ не есть мистицизмъ, а для эллиновъ прямо безуміе,—„глупости“? Вотъ мы трое—Павловъ, я и о. Григорій и оказались плохими защитниками ученія Христова о тайнѣ благовѣствованія, которую дано было возвѣстить ап. Павлу. (Еф. 111, 8) и которую раскрывалъ о. Теодоръ въ своихъ твореніяхъ.

(1857 г. Окт. 15—20 д.). „Вы спрашиваете: все такъ ли же добрѣ ко мнѣ о. Теодоръ? Къ несчастію, я не могу отвѣчать на это утвердительно; онъ, какъ будто, чуждается меня. Я приписываю это отчасти тому, что самъ я въ послѣднее время—особенно со времени вакаціи—разсѣялся: а сочиненіе, поддерживая эту внѣшнюю дѣятельность, еще болѣе,—постоянно отвлекаетъ меня отъ занятія собой. Но столько же это отдаленіе о. Теодора отъ меня нужно приписать вообще отдаленію его отъ студентовъ. И прежде, кромѣ меня, кажется, не находилось *охотниковъ* просиживать вечера, слушая о. Теодора: я особенно дорожилъ (и теперь дорожу столько же) каждымъ его словомъ, потому что вижу, какъ еще много осталось для меня непонятнымъ,—какъ—съ каждымъ даже повтореніемъ—для меня хоть сколько нибудь уясняется прежнее; а между повтореніями каждый разъ услышишь что нибудь и новое;—не говоря о томъ, когда о. Теодоръ говоритъ прямо что нибудь новое,—такъ напримѣръ теперь, когда онъ читаетъ намъ Нравственное Богословіе. Между тѣмъ я сознаю, что каждое недослушанное или непонятое слово составляетъ для меня большую потерю въ бу-

душемъ—въ нравственной жизни; это и заставляетъ меня дорожить каждымъ его словомъ. Другіе, остановившіеся на извѣстныхъ выраженіяхъ о. Ѣодора, считаютъ ихъ уже понятными и не хотятъ болѣе слушать, говоря: старое. Все ученіе, преподаваемое о. Ѣодоромъ, такъ крѣпко построено на одномъ началѣ, что изъ него можно логически вывести, какъ прямыя слѣдствія, все дальнѣйшее развитіе; но для этого нужна голова, такая же крѣпкая, какъ у о. Ѣодора, и цѣлая жизнь, проведенная въ этомъ занятіи. Но отъ того выходитъ, что—когда говорить что нибудь о. Ѣодоръ, то многимъ приходитъ на мысль: какъ же это мнѣ самому не пришло этого въ голову?—вѣдь иначе и быть не можетъ. Поэтому нѣкоторые,—успокоивая себя мыслію, что они, когда захотятъ, то и сами дойдутъ до тогоже,—тоже пускаютъ иное мимо ушей, говоря: старое! все это мы уже знаемъ. Но главная причина опять таки въ студентахъ: съ нѣкотораго времени,—быть можетъ, именно со времени пріѣзда о. Ректора,—студенты много перемѣнились: прежде они видѣли въ о. Ѣодорѣ представителя противниковъ пустой, бездушной формы, противодѣйствовавшего вліянію деспотизма, хотя его собственныя требованія, какъ требованія духовнаго исполненія закона, конечно, если бы исполнять ихъ—какъ слѣдуетъ, были бы тяжелѣе всякаго нѣмого закона ¹⁾. Но имъ подчи-

¹⁾ Словомъ „нѣмой“ я хотѣлъ сказать, „законъ“ только требуетъ, не мотивируя, не объясняя своихъ требованій и исполнители его только „рабы“, а не „друзья“ Господа. (Io. XV, 15).

„Виджу“, писалъ я,—что говорю непонятно; постараюсь пояснить при мѣромъ. Вы помните, напримѣръ, какъ сначала о. Ректоръ притѣснилъ о. Эконома; студенты воспользовались этимъ и стали протирать свои требованія—относительно стола, напримѣръ,—почти до капризовъ; нынѣ, конечно, не то; о. Экономъ ввелъ и вводитъ прежнія ограниченія именемъ тогоже о. Ректора; а на очную ставку ихъ не сведешь. Но, тѣмъ не менѣе, впечатлѣніе сдѣлано и—послѣ того—студенты, конечно, совсемъ иначе станутъ смотрѣть и слушать, когда о. Инспекторъ на ихъ жалобы о кашѣ, рыбѣ и фруктахъ начнетъ говорить имъ, что не объ этомъ надобно заботиться. Или,—еще примѣръ: о. Ректоръ,—видимо,—хочетъ, чтобы служба шла какъ можно скорѣе, пѣвчіе не заставляютъ просить себя, о. Ѣодоръ огорчается, и призываетъ, и проситъ, чтобы пѣли получше, ничего не бывало! а иногда и напоминать ему, что есть и другое начальство, которому это угодно, кому же-де—намъ угождать? и вотъ—брошена тѣнь на все прежнее: о. Ѣодоръ во всемъ прежнемъ видитъ только челоуѣкоугодничество, которое для него всего противнѣе“.

нялись болѣе или менѣе, и съ большей или меньшей искренностью,—особенно подѣ рукой петербургскаго либерализма о. Діодора, будучи довольны и тѣмъ, что, по крайней мѣрѣ, находятся не подѣ гнетомъ формальности. Но пріѣхалъ о. Ректоръ; самъ онъ требуетъ только того, чтобы все было гладко; въ его дѣйствіяхъ совершенное противорѣчіе съ понятіями, которыя старался воспитать въ студентахъ о. Теодоръ (*не предѣ очима точію работающе, но якоже Господеву*) и студенты, чувствуя, что гораздо легче соблюдать одну внѣшнюю исправность, опять обратились отъ благодати къ закону,—тѣмъ съ большей охотой, что новый законодатель требуетъ только, чтобы все преклонялось предѣ его волей, послабляя въ другихъ мѣстахъ. Такое отпаденіе отъ благодати опять подѣ иго закона, конечно, глубоко опечалило и разочаровало о. Теодора въ состояніи студентовъ. А онъ всегда смотритъ на всякое общество—какъ на живое тѣло, въ которомъ каждый членъ непременно, необходимо участвуетъ или въ поддержкѣ, или въ разрушеніи дѣла Божія. И старшему чередному, какъ представителю всѣхъ студентовъ, особенно рѣдко удается пользоваться благосклоннымъ пріемомъ о. Теодора; нерѣдко, будучи старшимъ дежурнымъ, испытываетъ два совершенно разные пріема: одинъ—когда приходитъ отъ лица всѣхъ,—причемъ о. Теодоръ иногда даже не благословитъ, а скажетъ только, полуотвернувшись: „давайте книгу“ и потомъ отдаетъ ее, также не глядя,—и—совсѣмъ другой, когда придетъ къ нему же какъ частное лицо,—за своимъ дѣломъ или съ чужимъ порученіемъ. Но нынѣ, надо сказать правду, послѣ долгаго разговора въ день моего пріѣзда, мнѣ никогда не удавалось потомъ еще разъ пользоваться бесѣдой о. Теодора, хотя иногда,—когда я приходилъ къ нему съ разными порученіями отъ Корсаковыхъ, напримѣръ,—онъ принималъ меня довольно ласково“.

(1857 г. Окт. 4/10). „Здѣсь въ Казани городъ наполненъ молвой о панорамѣ или діорамѣ, представляющей въ дѣйствіи, и съ воспроизведеніемъ звуковъ, картины Коронаціи и потомъ еще нѣсколько картинъ: Дрезденъ, Утро въ горахъ и т. п. Судя по афишѣ, это—таже Коронація, что красовалась и у насъ въ Нижнемъ вершковыми литерами на всѣхъ столбахъ во время ярмарки; только у насъ, за дру-

гими, новостями ярмарки, объ ней ничего не говорили“. (Окт. 15/20).

„Вчера вечеромъ Павловъ, возвратившись вмѣстѣ съ Митенькой съ урока, объявилъ, что Софья Дм. приглашаетъ насъ ѣхать вмѣстѣ съ ними въ Старый Театръ — смотрѣть Коронацію. Павловъ отвѣчалъ, что, если я отправлюсь, будетъ и онъ. Потому Митенька былъ очень пораженъ, когда я сказалъ, что, если бы о. Инспекторъ и отпустилъ меня, мнѣ нельзя будетъ отправиться потому, что въ 9 часовъ я долженъ явиться къ о. Ректору“. (въ качествѣ Череднаго Старшаго). Однако, послѣ всенощной порѣшили, что мы можемъ не досидѣть спектакля, а всетаки посмотримъ хоть до 9-ти часовъ; все оканчивается тамъ около 10 часовъ. Такъ и нынѣ послѣ обѣдни подтвердили Софья Дм., что все будетъ теперь зависѣть отъ о. Инспектора, котораго мы и будемъ просить о томъ послѣ чаю. Софья Дм. послѣ обѣдни отправилась къ о. Инспектору, а Митенька съ Павловымъ хотѣли отправиться съ визитами къ Логинову и Нордману“. (Еще два учителя моего ученика; теперь насъ было уже четверо: я съ Павловымъ и Нордманъ и Логиновымъ—студенты Университета). „Какъ вдругъ, не успѣвъ еще я выпить двухъ чашекъ чая,—Митенька ищетъ Павлова, является въ столовую съ вѣстью, что о. Инспекторъ никакъ не соглашается отпустить насъ. Митенька очень жалѣлъ, что мамаша, по его выраженію, „сунулась“ просить насъ,—что, если бы мы сами попросились просто къ Корсаковымъ до ужина, онъ—конечно—отпустилъ бы насъ; а теперь говорить, что въ театръ отпустить нельзя,—портится нравственность; а когда ему объяснили,—что это за театръ, онъ сказалъ, что еще менѣе позволительно, потому что,—какъ это можно,—представлять куклами такое священное дѣйствіе, какъ коронація. Я успокоилъ Митеньку, что—все равно было бы, если бы мы и сами стали проситься, что это не настоящія мысли о. Инспектора о театрѣ, и что, если онъ не хочетъ насъ отпустить, то это—конечно—отъ другихъ причинъ. Эта причина была, по моему мнѣнію, та, что о. Инспекторъ не хотѣлъ дѣлать исключенія изъ закона для тѣхъ, которыя хотятъ жить закономъ. Моя догадка подтверждается тѣмъ самымъ, что до 8 часовъ о. Инспекторъ уволилъ потомъ Павлова, хотя—конечно—понималъ, что Павловъ отправится

туда же. И Павловъ, дѣйствительно, намѣренъ,—какъ это нерѣдко дѣлается, просрочить до 9-ти часовъ“, чтобы по-смотреть Коронацію.

(1857 г. Окт. 25—Нояб. 3). „Мы уговорились съ И. М. на другой день идти къ А. П.; но я не успѣлъ съ вечера записаться въ книгу, а мнѣ—кромѣ того—хотѣлось сходить послѣ обѣда еще въ Казанскій монастырь и потому по утру я отправился къ о. Инспектору отпроситься лично. Я къ нему въ дверь, а онъ—изъ двери; если бы я опоздалъ еще минутой,—онъ уже уѣхалъ бы въ соборъ. Увольненіе я получилъ безпрекословно и тотчасъ же послѣ обѣда отправился“... и пр.

„Наталья Ив. ¹⁾, просила меня попросить о. Теодора, не пріѣдетъ ли онъ къ ней опять. Въ прежній разъ, когда она чрезъ Антонину Ив. просила его исповѣдывать ее и причастить, о. Инспекторъ, выставивъ нѣкоторыя неудобства къ тому, не отказался совершенно, но совѣтывалъ предложить больной, не хочетъ ли она просто поговорить съ нимъ, а исповѣдываться и причаститься у другого священника, и велѣлъ извѣстить его, какъ это приметъ больная, обѣщаясь, если больной непременно того захочется, исполнить ея желаніе. Въ понедѣльникъ вечеромъ, пріѣхавъ тогда къ Корсаковымъ послѣ уже моего урока, онъ окончательно убѣдилъ больную исповѣдываться у приходскаго священника (точно также, какъ нѣкогда и меня) и поговорилъ съ ней вечеръ; а во вторникъ она исповѣдывалась и причастилась. Въ среду Нат. Ив. не смѣла убѣдительно просить чрезъ меня о. Теодора, потому что не могла послать за нимъ лошадей, а въ академическихъ лошадей нынѣ о. Инспекторъ встрѣчаетъ затрудненіе; (о. Ректоръ не велѣлъ давать лошадей никому никуда, кромѣ выѣздовъ къ богослуженію въ городскія церкви). Отъ Корсаковыхъ я вышелъ тогда въ 8 ч., а послѣ молитвы отправился къ о. Инспектору съ порученіемъ. Онъ долго думалъ,—что сказать на просьбу Н. И., и наконецъ сказалъ, что будетъ, если ничто особенное не помешаетъ; потомъ поговорилъ о нѣкоторыхъ другихъ предметахъ, спросилъ объ ученикахъ; я пожаловался на свое

¹⁾ Корсаковская гувернантка, которая была тогда больна.

неумѣнье заинтересовать ученика,—пожаловался не безъ особеннаго намѣренія,—вызвать о. Инспектора на разговоръ; и—дѣйствительно,—о. Ѣодоръ разговорился, желая помочь мнѣ своимъ совѣтомъ. Отъ него я ушелъ уже въ 20 м. перваго. Вначалѣ, вскорѣ по моемъ приходѣ, онъ говорилъ что-то о болѣзни Н. И., но—такъ темно и закрыто, что нельзя было даже мнѣ,—при всемъ моемъ навыкѣ къ пониманію его способа выраженія,—понять,—что въ его словахъ нужно было понимать буквально, и—что въ переносномъ смыслѣ, что относилось собственно къ болѣзни Н. И., и—что вообще къ болѣзнямъ нашимъ,—физическимъ или моральнымъ“.

„Софья Дм. пригласила насъ обѣдать“. (Это было въ воскр. послѣ обѣдни)“. Тутъ случилось маленькое происшествіе, которое требуетъ, чтобы я возвратился немного назадъ въ своемъ разсказѣ. О. Григорій,—кажется, я уже и говоривалъ Вамъ это,—отличается большой ревностію во всемъ; и прежде студенты смотрѣли на него не слишкомъ благосклонно какъ на наставника; а когда онъ сдѣлался помощникомъ Инспектора, да еще такого Инспектора, какъ о. Ѣодоръ, да притомъ—послѣ о. Діодора, который былъ — „и нашимъ, и вашимъ“;—студенты окончательно не могли сойтись съ о. Григоріемъ. Надобно правду сказать, что и о. Григорій очень грубъ, тогда какъ студенты приучены, чтобы на нихъ хоть и тяжелые кандалы накладывали,—какъ бывало о. Серафимъ, но—со всей учтивостію. Особенно отличался столкновеніями съ о. Григоріемъ Морошкинъ,—одинъ изъ младшихъ студентовъ (и, кажется, лучший студентъ), который живетъ въ моей комнатѣ. Морошкинъ не разъ имѣлъ съ о. Григоріемъ стычки, въ которыхъ нельзя никакъ оправдать его: о. Григорій скажетъ ему слово,—онъ или выставитъ всю нелѣпность замѣчанія, или—просто,—за-слово отвѣтитъ двумя. Между ними давно готова была вспышка; передъ обѣдней, когда студенты—уже совсѣмъ одѣтые—ожидали только благовѣста и ходили по верхнему корридору, о. Григорій зашелъ въ спальня, —посмотрѣть,—нѣтъ ли спящихъ. Когда онъ вывернулся оттуда, мимо него прошелъ Морошкинъ, заложивъ одну руку за лацканъ сюртука; вѣроятно, онъ прошелъ мимо о. Григорія, не обративъ на него никакого вниманія; о. Григорій не выдержалъ и сказалъ: „что вы какъ себя держите! му-

жикъ"! Морошкинъ оборотился и вскрикнулъ такъ, чтобы всѣ могли слышать: „я не мужикъ; Вы это очень хорошо знаете; мужиковъ въ академіи не держатъ“. Послѣ обѣдни о. Григорій сказалъ объ этомъ о. Инспектору, и о. Теодоръ присудилъ посадить Морошкина за голодный столъ. Морошкинъ просилъ заявить протестъ, обѣщаясь исполнить все-таки наказаніе о. Инспектора, — протестъ вообще противъ обращенія о. Григорія. Старшіе согласились, — тѣмъ болѣе, что давно все уже ожидало одной капли, чтобы перелиться черезъ край... Долго сидѣлъ у о. Инспектора Горемыкинъ; когда уѣхалъ онъ и мы явились, у о. Теодора оставался еще о. Веніаминъ и былъ свидѣтелемъ нашего объясненія. Мы сказали о. Теодору, что пришли объяснить ему, что, если виноватъ Морошкинъ, — съ нимъ столько же виноваты и всѣ студенты, потому что они не только не отказываются отъ словъ Морошкина, но теперь же — въ лицѣ нашемъ — всѣ повторяютъ ихъ; что Морошкинъ отнюдь не отказывается отъ выполненія наказанія, опредѣленнаго о. Инспекторомъ, но что наказаніе это, — мы должны заявить это по совѣсти, не достигнетъ своей цѣли, потому что студенты смотрятъ на поступокъ Морошкина совсѣмъ иначе, и видятъ въ Морошкинѣ человѣка, который будетъ терпѣть наказаніе за то, что высказалъ за другихъ правду, которая — рано или поздно — должна же была высказаться. О. Инспекторъ отвѣчалъ, что онъ согласенъ признать себя виноватымъ за то, что назначилъ неправильно наказаніе. Мы отвѣчали, конечно, что никакъ не можемъ считать его виноватымъ, потому что до него доходила доселѣ только одна сторона правды, а другая молчала. О. Инспекторъ высказалъ и то, что онъ видитъ въ настоящемъ объясненіи прямое неуваженіе къ себѣ; по-пробывалъ было напомнить намъ прямой, — христіанскій взглядъ на это дѣло; но — много ли найдетъ истинныхъ, христіанъ, когда ученіе Христово нужно бываетъ перенести изъ настольнаго Евангелія въ жизнь! Тогда о. Инспекторъ сказалъ, что наказаніе Морошкина должно по крайней мѣрѣ остаться для насъ знакомъ, что — гдѣ бы мы ни были, — если мы не захотимъ свободно работать Христу, — будемъ принуждены закономъ, — что изъ Его власти не выйдемъ. Протестъ былъ конченъ; бѣльшаго отъ него никто и не ожидалъ, — по крайней мѣрѣ никто изъ понимавшихъ дѣло и о. Инспек-

тора. Я уже высказалъ Вамъ собственный свой взглядъ на это дѣло; я никакъ не одобрилъ бы этого протеста, но надобно было идти съ другими, какъ представителю другихъ и я говорилъ не менѣе другихъ; мнѣ принадлежало въ объясненіи то, что я старался — сколько можно, сдѣлать это дѣло общимъ, вывести его изъ ряда частныхъ поступковъ, чтобы т. е. протестъ нашъ падалъ не на случайный проступокъ, а служилъ выраженіемъ общаго, дотолѣ невысказаннаго только голоса. Вышедши отъ о. Инспектора, мы только одѣлись немного и отправились къ Корсаковымъ“.

„Возвратившись, мы явились къ о. Григорію, а послѣ молитвы всѣ старшіе отправились къ о. Инспектору; онъ опять заговорилъ, конечно, о прежнемъ дѣлѣ; сказалъ, что онъ видитъ въ этомъ и добрую сторону: что мы, — сознательно или безсознательно, — отстаивали при этомъ свое право, чтобы съ нами обращались какъ съ сынами новоблагодатной свободы, но... и пр. что теперь предстоитъ возможность воспользоваться этимъ самымъ случаемъ; что стоитъ только не мириться со зломъ, которое обнаружилось въ настоящемъ случаѣ, но отказаться отъ того, что оказалось зломъ“. (Чтобы понять ассоціацію идей, которая привела о. Ѣеодора ко взгляду на протестующихъ противъ грубаго обращенія со студентами, какъ на ратующихъ за „званіе“ и достоинство „сыновъ новоблагодатной свободы“, должно припомнить, что въ то время слово „мужикъ“ было еще синонимомъ „раба“; а „рабъ“ и „сынъ“ въ Писаніи противопологаются). Все, что ни говорилъ о. Инспекторъ, исключая, быть можетъ, перваго его положеніе, — было въ высшей степени справедливо; я въ этотъ разъ не говорилъ ни слова. Но подъ конецъ разговоръ принялъ самый несчастный оборотъ и окончился почти на томъ, что о. Инспекторъ сказалъ, что онъ опять подаетъ просьбу объ увольненіи, что ему нѣтъ больше силъ терпѣть; а Павловъ сказалъ, что и мы также ждемъ не дождемся того времени, когда выйдемъ изъ академіи.

„Софья Дм. сказывала, что въ среду о. Инспекторъ обѣщался тотчасъ послѣ своего класса пріѣхать къ нимъ обѣдать; а такъ какъ въ среду у меня былъ урокъ, то пригласила и меня приходитъ къ обѣду. Я, хоть и не видѣлъ въ приглашеніи особеннаго усердія, охотно принялъ его изъ желанія провести время въ обществѣ о. Инспектора. Дня

черезъ два въ письмѣ было прибавлено: „я взялъ назадъ свое обѣщаніе быть въ среду къ обѣду; я не объяснилъ причины, но сдѣлалъ такъ потому, что не хотѣлъ своимъ присутствіемъ напоминать о. Инспектору о студентахъ и возмущать доброе расположеніе его духа“.

„Въ среду мнѣ было чрезвычайно пріятно увидѣть, что въ о. Теодорѣ совершилась... не могу не употребить выраженій, заимствованныхъ изъ его же лексикографіи,—совершилась побѣда надъ этимъ зломъ; всякаго личнаго чувства неосталось и слѣда; онъ опять способенъ, смотря на этотъ предметъ какъ на совершенно для него посторонній, обсуждать его и указать дорогу за собой другимъ. Опять я долженъ нѣсколько объяснить Вамъ взглядъ о. Теодора на жизнь и науку,—въ частности, на его науку и дѣло его жизни—инспекцію; жизнь и наука, ученіе Христово, вѣра христіанская, которую всѣ мы приписываемъ себѣ, и—поведеніе, поступки въ тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ—составляютъ для него одно,—связаны неразрывно. Оттого, у него не можетъ наука, преподаваніе идти своимъ порядкомъ по программѣ учебника,—такъ, чтобы мысли и чувства, занимающія его душу, не проторгались, не восходили въ тѣ отдѣлы науки, которыми онъ занимается въ классѣ и размышленіемъ о которыхъ готовится къ классу. Какъ вообще для него нѣтъ дѣлъ маловажныхъ, но всякое дѣло онъ дѣлаетъ какъ дѣло Божіе, (какъ для философа нѣтъ дѣлъ нравственно-безразличныхъ, но все—до простаго вкушенія пищи—онъ дѣлаетъ по побужденію и почувству *долга*, такъ и у него; только на мѣстѣ слова: *долгъ*, нужно поставить слово: *Христость*; всякое дѣйствіе христіанина, по его ученію, должно быть усвоеніемъ, *воспринятіемъ* Христа вѣрою по благодати,—Христа, уже исполнившаго за насъ все и дающаго намъ благодать—приходить во всѣхъ положеніяхъ, во всѣхъ случаяхъ жизни во внутреннюю сообразность съ Нимъ; вотъ путь къ богоподобію и соединенію съ Богомъ). Какъ вообще для о. Теодора нѣтъ ничего маловажнаго, такъ въ особености—дѣла по инспекціи имѣютъ для него самый живой, сердечный интересъ; онъ никогда не можетъ глядѣть на нихъ такъ, что,—ну,—вотъ,—сказалъ—что слѣдуетъ, отвѣтилъ на возраженіе,—на протестъ, наказалъ проступокъ, и—дѣло сдѣлано, я теперь правъ; перейдемъ къ очереднымъ за-

нятіямъ, пока опять не придетъ нужда употребить ту или другую начальническую мѣру. Нѣтъ,—у о. Θεодора всѣ мысли вращаются около того или другаго поступка студентовъ или даже одного студента, когда этотъ поступокъ обратилъ на себя его вниманіе какъ фактъ, послуживши обнаруженіемъ какого нибудь нравственнаго недостатка въ студентахъ, (тутъ уже—не студента, хотя бы проступокъ принадлежалъ и одному; о. Θεодоръ никогда не смотритъ на человѣка въ отдѣльности, но на всякое общество,—какъ бы на одно семейство,—какъ на Церковь, т. е. такое живое, органическое цѣлое, въ которомъ всѣ члены имѣютъ необходимое вліяніе другъ на друга,—всѣ на cadaго и каждый на всѣхъ). Оттого, и примѣры, и приложенія, и объясненія невольно относятся у о. Θεодора къ предмету, его занимающему, оттого же, онъ почти послѣ всякаго проступка студентовъ или—иначе,—послѣ всякаго огорченія—хвораеть,—день, два, три и болѣе; конечно, это зависитъ, въ частности, отъ его болѣзненнаго,—нервно—желчнаго темперамента. Наконецъ я оканчиваю утомительное для Васъ объясненіе; не знаю, послужило-ли оно сколько нибудь къ тому, чтобы объяснить Вамъ, почему я въ среду былъ очень радъ, когда о. Θεодоръ началъ говорить о прошедшей... (или,—нѣтъ! еще совсѣмъ не прошедшей, а только начавшейся) борьбѣ, какъ о дѣлѣ, уже совершенно чуждомъ всякой примѣси личнаго болѣзненнаго чувства; такъ что я видѣлъ, что, если бы даже я и сталъ съ нимъ обѣдать у Корсаковыхъ,—это не возмутило бы его. Но я очень хорошо сдѣлалъ, что отказался отъ обѣда; потому что, когда я въ половинѣ 4-го пришелъ къ Корсаковымъ, у нихъ обѣдъ уже оканчивался, а такъ какъ обѣдъ ихъ продолжается рѣдко меньше часа, то я не могъ поспѣть во-время. Мишенька тоже обѣдалъ вмѣстѣ съ большими; потому,—надобно было погодить приниматься за урокъ. Нат. Ив. въ первый разъ послѣ болѣзни сошла внизъ и обѣдала съ другими, а Марья Вас. (бывшая Эмма Вас., —новоприсоединенная) „лежала на-верху; она задыхается и по утру ей ставили на грудь пивки. Правду сказать, мы оба съ Митенькой побаивались посѣщенія о. Инспектора, хотя я на прошедшей недѣлѣ и просилъ его—спросить Митеньку; онъ боялся, что о. Θεодоръ станетъ его спрашивать; а я боялся, чтобы мнѣ не пришлось говорить при о. Инспекторѣ,

да еще—пожалуй—при цѣломъ обществѣ,—такъ что я было готовился просить о. Инспектора, чтобы онъ самъ далъ урокъ Митенькѣ, въ руководство мнѣ. Но о. Теодоръ предъ началомъ нашего урока прошелъ въ комнату Нат. Ив., гдѣ лежала больная и тамъ читалъ для всѣхъ письмо изъ Іерусалима, помѣщенное въ Христ. Чтеніи. Когда окончился нашъ классъ, въ 5 часовъ, я пришелъ къ тому же обществу; тутъ былъ еще Логиновъ, который вскорѣ отправился съ Митенькой на второй урокъ. О. Инспекторъ прочиталъ еще слово преосвящ. Григорія, тоже изъ Христ. Чтеніе и хотѣлъ было отправиться домой, но Софья Дм. предложила ему остаться кушать чай, сказавъ, что она уже распорядилась, чтобы и самоваръ былъ поставленъ; о. Инспекторъ остался, а съ нимъ—конечно остался и я. Приѣхала Ольга Ив. ¹⁾. За чаемъ поговорили о литературѣ;—это, кажется,—всегдашній разговоръ Александра Львовича; говорили о бесполезности современныхъ беллетристическихъ произведеній; въ частности, отъ Алекс. Льв. досталось, по обыкновенію, Гоголю и Щедрина. Логиновъ держалъ противную сторону,—доказывалъ нравственно-воспитательное вліяніе литературы, а мы—вдвоемъ съ Алекс. Льв.—помирились на томъ, что произведенія Щедрина и Печерскаго“ (Щедринъ тогда только что еще выступилъ „Губернскими Очерками“, а Печерскій-Мельниковъ дебютировалъ въ литературѣ издавъ „Старые Годы“) „имѣютъ вліяніе на образованіе общественнаго мнѣнія. Потомъ, мало по малу, всѣ опять перебрались на-верхъ; о. Инспекторъ прочиталъ изъ Новаго Завѣта, по русскому переводу, посланіе Ап. Павла къ Филиппійцамъ, потомъ изъ Евангелія отъ Іоанна, начиная съ повѣствованія о Тайной Вечери до конца. Марья Вас. то лежала, то сидѣла на своей постели, слушала или нѣтъ,—уже я не знаю, — оттого, что сидѣлъ черезъ столъ отъ нея и не могъ ея видѣть“ (по своей крайней близорукости); Софья Дм. разматывала шелкъ и сначала,—повидимому, — слушала съ удовольствіемъ, а потомъ уже—конечно—не такъ-то была довольна, что слово Божіе держало въ состояніи томительнаго бездѣйствія ея собственное слово—цѣлый вечеръ; Вѣрочка вязала чулокъ; Митенька сидѣлъ тутъ же и шалилъ изъ подтишка, мѣшая

¹⁾ Еще одна изъ сестеръ Корсаковской гувернантки,—Дубровиныхъ.

то Вѣрочкѣ, то Нат. Ив. Ольга сидѣла вдали и, — съ горя, что у ней пропалъ вечеръ, — вѣроятно, сочиняла на нашъ счетъ эпиграммы и каррикатуры для завтрашняго дня; Нат. Ив. вязала свои звѣздочки, а больше такъ слушала и по временамъ плакала. Одинъ о. Инспекторъ не замѣчалъ ничего и продолжалъ читать, весь погружившись въ свое занятіе. Прежде, чѣмъ онъ началъ читать послѣднюю бесѣду Господа, я попросилъ было его при чтеніи сдѣлать нѣкоторыя объясненія; но онъ, вѣроятно, соображая, что съ объясненіями ему не прочесть этой бесѣды и въ три дня и полагаясь болѣе на дѣйствіе самаго слова Божія, сказалъ, — помолчавши немного, — „ничего“! Только послѣ уже чтенія Софья Дм. сдѣлала два вопроса: почему Марія Магдалина видѣла двухъ ангеловъ и что значитъ число пойманныхъ рыбъ: 153? О. Инспекторъ отвѣчалъ, что прежде еще много нужно узнать посредствующаго, чтобы и такіе вопросы служили къ назиданію, а не для удовлетворенія простаго любопытства; однако, прибавилъ онъ, засмѣявшись, чтобы Вы не осердились, я скажу Вамъ, — что значитъ, что Марія Магдалина видѣла двухъ ангеловъ, — и объяснилъ это. А число рыбъ, конечно, — и оно тоже чтонибудь да значитъ; это все разберется современемъ; но я еще и самъ не знаю, — что именно оно значитъ. Когда мы съ о. Инспекторомъ пріѣхали въ академію, былъ уже 10-й часъ въ исходѣ; у насъ отошла даже и молитва“.

„Въ понедѣльникъ о. Экономъ получилъ какое-то письмо изъ Петербурга и о. Веніаминъ совѣтывалъ скорѣе показать его о. Ѣеодору; во вторникъ о. Инспекторъ самъ получилъ письмо отъ Преосв. Агаангела; все это, въ связи съ добрымъ расположеніемъ духа о. Инспектора, заставляло меня предполагать, что получено извѣстіе о переводѣ куданибудь о. Инспектора. Выбравъ время, я прямо спросилъ о томъ о. Ѣеодора; онъ отвѣчалъ, что — нѣтъ; но черезъ нѣсколько времени прибавилъ, что самъ подаетъ просьбу объ увольненіи. Потомъ онъ предложилъ мнѣ, не хочу ли я съ нимъ отъужинать и я принялъ приглашеніе. Во время ужина я просилъ было его, нельзя ли отложить это намѣреніе; но онъ, какъ видится, твердо рѣшился, и послѣ ужина я самъ долженъ былъ сдѣлать конвертъ для этого прошенія, причемъ самъ читалъ и медицинское свидѣтельство о невоз-

возможности для о. Инспектора, по состоянію его здоровья, продолжать службу,—въ казанскомъ климатѣ особенно, прибавилъ мудрый докторъ; я оставилъ о. Теодора безъ четверти въ 12“ (стр. 72).

(Продолженіе слѣдуетъ).

Прот. В. Лаврскій.
